

*С. Н. Мизякина*

## ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ШЕСТОВА

Интерес к средневековой философии у Шестова связан с близостью основных проблем средневековой мысли (отношения веры и разума, решение вопроса о путях спасения) и главных тем шестовского творчества. Из всех эпох именно средневековье представляется Шестову наиболее «экзистенциальной» культурой. Несмотря на критическое отношение к схоластике, Шестов более всего ценит средневековую философию за то, что она ставила эксперименты над жизнью, стремилась, чтобы люди постоянно жили в опасной пограничной ситуации, тем самым открывая в себе тайны и глубины.

Следует сказать, что свое понимание средневековой мысли Шестов (не читавший по-латыни) выработал после знакомства с работами А.Гарнака и Э.Жильсона.

Если говорить об общей оценке средневековой философии, то Шестов считал, что она страшилась как «взлететь» над познанием и этическим, так и отказаться от откровения и покориться законам. «Средневековье не было столь монолитным в постановке и разрешении основного религиозного вопроса... и не всегда так покорялась греческим влияниям». Но «большая дорога средневековой философии, теснейшим образом связанной с патристикой, в общем прочно держалась завета эллинизма»<sup>1</sup> (Эта магистраль у Шестова проходит от Оригена и Климента Александрийского через Августина и схоластов до нач. 14 в. Заметим, что в данном случае для Шестова неважно, произошла ли эллинизация христианства (позиция А.Гарнака) или христианизация эллинизма (позиция Э.Жильсона). Важен сам факт синтеза, пусть и незаконченного, идей христианства и греческой мудрости. Если согласиться с тем, что главная задача средневекового философствования состояла в том, чтобы выразить в понятиях интуитивные прозрения, то этого утверждения для Шестова будет уже достаточно, чтобы подписать средневековой философии приговор, ибо для него откровение остается невыразимым по самой своей сути. Разум, который обрабатывает откровение своими средствами (непротиворечивость, всеобщность и необходимость, подчинение этическим принципам), тем самым вносит в него такие изменения, которые полностью уничтожают смысл откровенной истины.

Поэтому Шестову ближе монашеско-мистическая традиция средневекового философствования. Более всего импонирует ему Тертуллиан с его демонстративной антилогичностью, антифилософичностью и парадоксальностью. Вопрос Тертуллиана «что общего у Афин и Иерусалима...?» рефреном

проходит и через все творчество Шестова. Созвучны шестовским переживаниям и убеждения Тертуллиана о том, что Бог стоит выше законов разума и разум должен остановиться там, где начинается вера. Достоинно внимания и сходство мыслителей в том, что оба они на первый план выдвигали личную веру, были убеждены, что для Бога нет ничего невозможного, а также очертили пределы христианского и экзистенциального мироощущения. Путь к Богу для Тертуллиана возможен только для простой невежественной души, не знающей философии. Шестов говорит в принципе о том же: настоящий Бог является неразумным, парадоксальным образом. Но если во времена Тертуллиана найти таких людей еще было возможно, то в 20 в., проникнутом идеями рационализма, научности, здравого смысла спасение только верой превращается в утопию. Шестов слишком хорошо знает это, и потому его работы проникнуты духом трагичности и абсурда.

Стоит сказать и о близости позиций Шестова с Петром Дамиани (в понимании первородного греха, в идее, что Бог может сделать бывшее небывшим, что Бог не подчиняется необходимости и принципу противоречия), Дунса Скота (в вопросе разделения философии и теологии, в убеждении, что личная встреча с Богом, диалог с ним, исполнение нашего предназначения находятся вне компетенции философии, в откровении и в божественном повелении, что есть истины, недоступные разуму, которые приходят к человеку через личный опыт, а не через доказательства, а также принцип метафизической первичности единичного по отношению к общему) и Оккама (прежде всего речь идет об идее абсолютной свободы Божественной воли).

Если говорить о мистической традиции средневековья, то Шестов считает, что мистики были не правы в двух пунктах. Во-первых, они искали спасения только собственными силами. Во-вторых, они хотели освобождения от мира. Тем не менее, Шестов, естественно, разделяет их точку зрения о том, что рассказать о Боге с помощью логики, да и просто слов, человек не может.

Шестов верно улавливает источник тех трудностей, с которыми сталкивается средневековая философия в своей попытке выразить содержание религиозного опыта, он со всей остротой обращает внимание на важнейшие проблемы средневековья.

Одна из таких проблем — решение вопроса о возможности и путях спасения. Шестов много внимания уделяет спору Августина Блаженного и Пелагия. Он высоко ценил идеи Августина о предопределении и спасении верой и благодатью. Шестов обращает внимание на то, что если следовать идее предопределения, то это учение отнимет все устои, потому что говорит о том, что Бог не считается с нашими представлениями о разумности и справедливости. И с этого момента человек перестает понимать, что ему делать для спасения. А граница между разумным и безумным, между доб-

рым и злым стирается. Но этого последовательного шага Августин, по мнению Шестова, не делает. Шестов был убежден, что если бы западное средневековье последовательно провело догмат о спасении верой, то оно бы вырыло непроходимую пропасть между язычеством и христианством и возвестило бы о начале нового периода в жизни человечества.

Проблема спасения тесно связана с вопросом о свободе воли и понятием греха. Пелагиане полагали, что человек собственными силами может воздержаться от греха. Августин, согласно Шестову, сделал слабую попытку опровергнуть это положение, понимая первородный грех как выражение злой воли. Шестов отрицательно относится к утверждению Августина о том, что начало греха – в гордыне, что для Шестова равносильно отречению от самости. Здесь налицо парадоксальность шестовской мысли. Отрицая свободу воли относительно спасения, он тем не менее ставит на первое место человеческую индивидуальность. Он прямо говорит, что любовь к себе и ко всему земному не исключает любви к Богу и именно по этой причине критикует учение Августина о 2-х градах. Таким образом, интерпретируя средневековый спор о спасении, Шестов находит в нем новую возможную грань. Он предлагает идти к Божественной благодати через проникновение в глубины собственной индивидуальности, через проживание собственного неповторимого экзистенциального опыта. На самом деле свобода выбора не между добром и злом, а между разумом и верой.

Говоря о проблеме первородного греха нужно сказать, что Шестов не считал причиной грехопадения высокомерие, уклонение воли от Бога, нарушение человеческого долга. Он был убежден, что само древо познания несло гибель человеку, Такое понимание первородного греха у Шестова совпадает с позицией Петра Дамиани.

Шестов критикует также средневековую идею об авторитете церкви как источника веры, т.к. он видит в этом подчинение традиции без следования своему личному опыту.

Говоря о проблеме разума и веры, Шестов указывает на тот факт, что идея Логоса стала самым первым звеном, которое соединило христианство с античной философией и тем самым привело к внедрению разума в базирующееся на идее веры христианство. Тогда и произошло подчинение веры разуму. Причем для Шестова важно то, что Логос стал не просто принципом, раскрывающим опыт веры, а превратился в онтологическое, креативное начало и даже в путь спасения. Девиз «верую, чтобы понимать» и особенно «понимаю чтобы веровать» не приемлем для Шестова. Ведь здесь речь идет о том, что истины веры и разума не могут противоречить друг другу, что к осознанию необходимости веры подводит разум. Шестов же указывает на то, что осознать нечто мы можем, но веру нам такое понимание не даст. Вера есть озарение, ничем не подготавливаемое. Схоластика не

разграничивает компетенцию веры и разума, а ищет их взаимодополнительность. Шестов же и разграничивает, и противопоставляет веру разуму.

Если согласиться с мыслью, что поиск рационального выражения духовного опыта определяет своеобразие схоластики, что схоласты были убеждены в возможности рационального постижения веры, то нужно признать, что шестовская критика средневековой мысли имеет под собой основания. Ведь известно, что для вхождения в религиозное измерение бытия человеку нужно отказаться от привычного, известного и шагнуть в абсолютно неведомое. Тогда на человека может снизойти Благодать. Именно этому и посвящены все работы Шестова: отказаться от привычного, непротиворечивого. И он убежден, что разум по природе своей не способен совершить скачок в иной мир, что только вхождение в экзистенциальные состояния страха, отчаяния, абсурда могут разрушить очевидность и однозначную истинность привычного и знакомого и таким образом открыть доступ к новым состояниям сознания. Известно ведь, что в акте веры человек не может видеть предмет веры в качестве объекта познания. Интеллектуально-познавательная позиция по отношению к Богу отменяет акт веры. Это одна из основных идей Шестова. Кроме того, при попытке выразить акт веры средствами разума, мы также теряем состояние веры. Нельзя находиться в двух мирах одновременно. Верно то, что средневековая философия осознала эту проблему и пыталась связать два мира вместе. А поскольку связать их можно только сделав веру объектом рационального рассмотрения, то ясно, почему схоластика не отказалась от рационального познания непосредственного религиозного опыта. Шестов же видит угрозу такой рационализации веры в том, что попытка ввести веру в русло рационального исследования постепенно формирует абсолютно новые антирелигиозные рационалистические установки, не оставляя больше возможности совершить акт веры.

В заключение хочется заметить, что мы не можем говорить об объективном и всестороннем исследовании Шестовым средневековой философии. Шестов никогда не ставил перед собой подобной задачи, о каком бы философе не шла речь. Он всегда искал у них ответы на свои сокровенные вопросы, видел только те темы, которые его интересовали и потому иногда вырывал некоторые идеи того или иного философа из целостного контекста его творчества, тем самым внося некоторые искажения в его мировосприятие. Но этим Шестов и интересен. Ибо он тем самым указывал на те проблемы, которые волновали многих из его современников. Создавая свой образ Средневековья, Шестов на самом деле продолжал традицию средневекового философствования как интерпретации и комментирования и тем самым делал средневековье более живым и близким, чем самое объективное и беспристрастное исследование.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М., 1992, с. 202.